

[Рец. на / Review of:] **N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination***. Amsterdam: John Benjamins, 2016. xii + 435 pp. (Typological Studies in Language, 115.) ISBN 9789027206961 (print); 9789027266545 (online).

Нина Роландовна Добрушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; nina.dobrushina@gmail.com

Благодарности: Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00517.

Nina R. Dobrushina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; nina.dobrushina@gmail.com

Acknowledgements: The review is prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 17-04-00517.

DOI: 10.31857/S0373658X0006292-0

Рецензируемый сборник посвящен явлению инсубординации [Evans 2007], или, если переводить на русский, расподчинения [Добрушина 2012; Сай 2015]. Понятие расподчинения было введено Николасом Эвансом в статье 2007 года. Эванс известен, в частности, как исследователь австралийского языка каядилт и автор замечательного описания этого языка ([Evans 1995]; см. также обсуждение этой грамматики в [Аркадьев 2015]). В числе многих введенных им в «большую лингвистику» фактов грамматики языка каядилт — явление расподчинения. Оно определялось Эвансом в статье 2007 года как конвенционализованное употребление в главном предложении клауз, которые формально имеют признаки подчиненных (“conventionalized main-clause use of formally subordinate clauses” [Evans 2007: 18]). Простым примером могут быть русские конструкции с союзами *если* или *чтобы*:

- (1) *Если бы можно было услышать их голоса!* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (2) *Так вот за справедливость! Чтобы она всегда, наша родная, торжествовала! За птичек синичек!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

В 2012 году был организован симпозиум на тему “Dynamics of Insubordination”, некоторые доклады с которого стали статьями рецензируемого сборника. Вводная статья Н. Эванса и О. Ватанабе может послужить введением в проблематику для тех, кто не читал статьи Эванса 2007 года, и обзором новых идей для тех, кто читал. В первой части статьи детально объясняется, почему каядилт привлек внимание к явлению расподчинения. Если во многих европейских языках конструкции с расподчинением находятся на периферии и могут не попасть в грамматики, поскольку не являются частотными и характерны в первую очередь для разговорного, спонтанного дискурса, то в каядилте расподчинение оказалось центральным историческим процессом, который сформировал всю современную систему видо-временных форм. Мимо него пройти невозможно — “In such a language, insubordination is just too big to ignore” (с. 19).

Помимо детального обзора фактов языка каядилт, редакторы выделяют ряд новых проблем и идей, которые обсуждались в последние годы в связи с явлением расподчинения. В частности, обсуждается причина, по которой механизм расподчинения играет роль в грамматиках многих языков. Выдвинуто предположение, что функция расподчинения — усилить неопределенность высказывания, указав на наличие пропозициональной установки, но не сообщая конкретно, что это за установка. Открывая пространство для интерпретаций, конструкции с расподчинением позволяют реализовать стремление говорящего к неопределенности в ситуации, когда он не хочет делать выбор.

Эта идея создает поле для размышлений о корреляции между установками определенных культур и распространенностью в языке механизма расподчинения. Так, в сообществе говорящих на языке каядилт существенная доля информации не требует экспликации в силу того, что в сообществе никогда не было больше 130 говорящих. Другая корреляция: культура говорящих по-японски (где расподчинение тоже является исключительно распространенным) известна высокой значимостью недосказанности. Отметим, однако, что гипотезы такого рода доказать чрезвычайно трудно. Так, в рецензируемом сборнике есть статья А. Берге про язык, где расподчинения как регулярного механизма, по утверждению автора, нет, и это тоже язык малого сообщества — алеутский. Для цезских языков (тоже небольших), которым посвящена статья Б. Комри, Д. Форкер и З. Халиловой, расподчинение тоже не слишком характерно.

Вводная статья сборника и ряд других статей, особенно заключительная (за авторством С. Кристофаро), задаются вопросом о механизме образования расподчиненных конструкций. На синхронном уровне мы наблюдаем результат — клаузу, которая имеет формальные признаки подчинения, но используется как независимая. Что происходит в диахронии? Наиболее частотная модель, которая была предложена и разобрана Эвансом в статье 2007 года, — эллипсис. Главное предложение начинает часто опускаться, оставшаяся (формально подчиненная) клауза начинает употребляться самостоятельно, у нее развивается собственное, более узкое или вообще отличное от исходного значение, происходит конвенционализация. Во многих статьях, в частности в статье Б. Хайне, Г. Кальтенбёк и Т. Кутевой, исследователи задаются вопросом о том, как можно доказать, что некоторая конструкция является результатом эллипсиса.

Помимо эллипсиса, в сборнике обсуждается еще несколько возможных путей, которые приводят к расподчинению. Так, структуры с расподчинением могут возникать из диалога, когда сложноподчиненное предложение как бы разделяется на части между двумя говорящими. Проиллюстрирую явление следующим примером из [НКРЯ], где сложное предложение *Оттуда возвращаются богатыми, если возвращаются вообще* разделено между двумя говорящими.

- (3) — <...> *Я поеду в Аргентину — страну серебра. Оттуда возвращаются богатыми. — Если возвращаются вообще. К тому же взгляди на любого ветерана. Он такой же битый и корявый, как и аргентинский пиастр* [Святослав Логинов. Мастерская Иосифа (2014)].

Интерактивный источник происхождения расподчиненной конструкции обсуждается в статье С. Флойда про язык чапалачи (Cha'palaa), на котором говорит около 10 тысяч человек в Эквадоре. Используя десятичасовой корпус видеозаписей естественных диалогов, автор объясняет роль загадочной морфемы *-ba*, которая обычно употребляется в уступительных придаточных. Данные диалогов показывают, что в независимом употреблении морфема всегда появляется в контекстах полемического возражения (counter-assertive contexts) — то есть используется для того, чтобы отвергнуть нечто, что утверждалось или подразумевалось в предыдущей реплике.

Примеры интерактивного происхождения конструкции расподчинения в саларском языке (тюркские, Китай) рассматриваются в статье Э. М. Дуайер, посвященной тюркским и монгольским языкам Центральной Азии. Кроме разделения между говорящими главной и зависимой частей (как в примере выше), в статье показан другой способ создать расподчинение в диалоге. Этот способ задействует такие дискурсивные техники, как вывод информации на передний или задний план с помощью нестандартного порядка клауз. Подчиненная клауза, которая обычно предшествует главной, оказывается после нее из-за особой информационной структуры предложения — говорящий выводит событие главной клаузы на передний план, выдвигая саму главную клаузу в начало предложения. Закрепление такого порядка может привести к опущению главной клаузы и расподчинению зависимой.

Обсуждение того, возможно ли расподчинение, не действующее эллипсис, ведется давно. Вслед за известной статьей Эванса вышла статья американского лингвиста М. Митун, где на материале языков навахо и юпик рассматривались похожие, но отличные от эвансовских конструкции: в этих языках маркеры грамматической зависимости часто начинают использоваться вне зависимой клаузы [Mithun 2008]. Маркеры синтаксического подчинения в устном спонтанном дискурсе навахо могут использоваться буквально в каждой второй клаузе, маркируя фоновые события, пояснения или эмоциональные комментарии. Сходным образом в языке юпик употребляются причастия: они возглавляют предложения, которые имеют синтаксические признаки независимости, но семантически подчинены. Принципиальное отличие от «эвансовских» конструкций с расподчинением состоит в том, что подчиненные формы в навахо и юпике не проходят стадию эллипсиса. По-видимому, говорящие начинают употреблять подчиненные формы в главных предложениях потому, что они неассертивны. Марианна Митун называет такое явление *расширением* подчиненных форм на главные клаузы.

Оба случая, и эллипсис, и расширение, обнаруживаются в языке слиаммон, или комокс (салишские, Канада), о котором пишет О. Ватанабе. В этом языке встречаются два типа расподчиненных конструкций: союзные клаузы и номинализации. Союзные клаузы полностью подходят под тот тип расподчинения, который был впервые описан Эвансом: они выражают модальные значения и образованы с помощью эллипсиса. Номинализации, которые употребляются независимо, скорее представляют собой явление, описанное Митун как расширение. Функция номинализаций — указание на наличие связи предложения с широким предшествующим контекстом (а не просто с предыдущей клаузой).

Языки, по-видимому, сильно различаются с точки зрения того, насколько характерны для них конструкции расподчинения. В сборнике есть статья, полностью посвященная доказательству того, что в алеутском языке расподчинения нет. Редкие примеры расподчинения в этом языке являются не конвенционализированными, а скорее случайными. В статье про цезские языки (бежтинский, цезский и хваршинский) утверждается, что конструкции расподчинения встречаются в корпусах этих языков редко. Авторы называют два случая: использование инфинитива в качестве вершины главного предложения и использование условных придаточных для выражения желания. С другой стороны, в этих языках немало таких конструкций, когда зависимая форма типа конверба или масдара используется независимо. Эти случаи, однако, не могут считаться расподчинением, так как они являются результатом упрощения аналитической конструкции со связкой. Авторы говорят, что в бесписьменных языках, история которых нам неизвестна, однозначно понять, что является источником независимо употребляющейся зависимой формы, возможно далеко не всегда.

Статья Х. Наррога про японский язык демонстрирует обратный случай: расподчинение здесь является исключительно частотным и разнообразным. Автор детально рассматривает различные типы расподчинения в японском языке разных эпох, описывает явления, которые сопутствуют расподчинению (определенные частицы, просодия, конвенционализация значения). В этой статье ставится важный вопрос, который, по-видимому, не был пока исследован детально: какие подчинительные конструкции часто являются источником расподчинения, а какие редко? В японском языке относительные, целевые и условно-уступительные придаточные не являются источником независимых клауз. Редко подвергаются расподчинению временные придаточные. Напротив, условные, уступительные и некоторые типы дополнительных клауз часто начинают функционировать как главное предложение.

Статья М. Роббетс начинается с полезного обзора того, какие существуют пути для расподчинения и, шире, финитизации — перехода ранее нефинитной формы в финитную. Помимо уже обсужденных (эллипсис, расширение функций, утрата связки), автор указывает еще некоторые способы, какими зависимая форма может оказаться главной: редукция главного предиката до состояния аффикса или частицы, опущение главного предиката.

Иллюстрацией последнего пути развития являются конструкции типа *Путь!*, если принять гипотезу, что они происходят из сочетаний типа *Хочу путь*. Основная идея этой статьи — показать, что сходные модели расподчинения в так называемых трансевразийских языках (в статье рассматриваются данные из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков) имеют генетическое объяснение.

Ряд статей посвящен конкретным типам инсубординации. Так, М. Митун показывает, что в языке мохавк (ирокезские, Северная Америка) восклицания похожи по структуре не на вопросы (как во многих других языках), а на сентенциальные дополнения. Она выдвигает гипотезу, что восклицания в этом языке и во многих других развились из конструкций типа *I saw [how good it is]*, *Look at [how good it is]!* и *It is surprising [how good it is]!* Статья Митун содержит весьма полезный разбор литературы о восклицательных конструкциях, в котором, к сожалению, не хватает ссылок на статьи Н. А. Зевахиной [Zevakhina 2013; 2016], где обсуждается, в частности, возможность развития восклицаний путем расподчинения.

Статья Ж.-К. Верстрате и С. Д'Хертефельт рассматривает расподчиненные конструкции, происходящие из сентенциальных дополнений, в ряде германских языков. Это независимые клаузы, вводимые союзами *dat* (голландский), *dass* (немецкий), *that* (английский), *att* (шведский) и *at* (датский). Они выделяют три функциональных типа таких конструкций: деонтический (желание, потребность), оценочный (эмоция, удивление) и распространяющий (*elaborative*) — и рассматривают формальные корреляты каждого типа. Приведу пример последнего типа как наименее очевидного:

- (4) *Какие у вас впечатления от вашего читательского клуба? Вы заметили какой-нибудь успех? Чтобы читатели действительно прислушивались к вашим советам?* (свободный перевод на русский язык примера Верстрате и Д'Хертефельт, с. 77).

Авторы обращают внимание на то, что разные конструкции с расподчинением обладают разной степенью автономности; в частности, некоторые способны включать иллюкутивные элементы, которые заимствуются из независимых конструкций с аналогичным значением. Кроме того, не все обсуждаемые примеры обнаруживают один из признаков расподчиненных конструкций, а именно конвенционализированность значения. Так, распространяющие конструкции не имеют никакого прироста смысла по сравнению с исходными. Неслучайно и то, что этот тип конструкций встретился во всех исследованных в статье языках. Авторы предполагают, что распространяющие клаузы движутся из подчиненных не к независимым, а к сочиненным.

Сходным конструкциям испанского языка посвящена статья Педро Граса. Используя несколько корпусов, он описывает значения и формальные особенности расподчинений с союзом *que*. С его точки зрения, все примеры можно разделить на две группы: те, которые выражают модальные значения (побуждение, желательность, восклицания и вопросы), и те, которые указывают на отношении предложения к предыдущему контексту. Последние напоминают тот тип, который в статье Верстрате и Д'Хертефельт назван распространяющим (*elaborative*).

Как справедливо замечает С. Кристофаро в статье, завершающей сборник, понятие расподчинения обычно используется в литературе и по отношению к синхронному явлению, когда независимая структура похожа на подчинительную, и по отношению к диахроническому процессу, когда подчиненная клауза переходит в независимую. Кристофаро замечает, что процесс расподчинения мало исследован с диахронической точки зрения. Она называет три механизма расподчинения (два из них описаны Эвансом и Митун, а третий вводит сама Кристофаро): эллипсис, расширение и разъединение клауз (*clausal disengagement*). Примеры разъединения клауз показывают, что клаузы, обладающие сходством с подчиненными, иногда используются, чтобы ввести новую тему, связанную с общим фоновым знанием говорящего и слушающего, см. (5)–(6).

ИТАЛЬЯНСКИЙ

- (5) *No, perché poi questo workshop sembra interessante.*
 ‘К тому же этот семинар выглядит интересным’ (букв. ‘Нет, **потому что** тогда этот семинар выглядит интересным’, произнесенное вне связи с предыдущим разговором, но отсылающее к имевшей место накануне беседе о семинаре, в котором говорящий решил принять участие, несмотря на изначальные сомнения).
- (6) *Che poi io continuo a pensare al poveretto costretto a star lì tutto il tempo.*
 ‘К тому же я продолжаю думать о том бедняге, которому пришлось там проторчать все время’ (букв. ‘**Что** тогда я продолжаю думать...’, комментируя торжественную лекцию, которую местный начальник полиции был вынужден высидеть, несмотря на то, что не имел никакого представления о ее теме).

Примеры (5) и (6) — автономные предложения, семантически, прагматически и синтаксически совершенно независимые, содержащие собственную ассерцию и собственную интонацию, и в их контексте нет никаких клауз, которые могли бы считаться главными для них. Они относятся к целому большому фрагменту дискурса, даже скорее к теме этого дискурса. По мнению Кристофаро, эти конструкции могут происходить из таких контекстов, когда подчиненная структура заметно отделена от того, что могло бы быть ее главной частью. Приведем подходящий русский пример из [НКРЯ]. Его нельзя считать примером разъединения клауз по Кристофаро, поскольку такие структуры не обладают полной автономностью и в предыдущем контексте можно найти претендента на главную клаузу (*Все неожиданно получилось, потому что позвонил папа, у него там температура*), но он помогает понять, как работает механизм разъединения.

- (7) [Ника, жен] *Я решила те позвонить / узнать как дела. Ты меня прости за вчерашнее. Там всё неожиданно получилось.*
 [Катя, жен] *Ой / да ладно те / Господи / ничего страшного. Я понимаю прекрасно.*
 [Ника, жен] *Вот. Потому что позвонил папа / у него там температура. Плюс Вова позвонил / т / «А я приехал». Я грю / «Ну молодец / — говорю / — а я ещё даже не дома»* [Телефонный разговор студенток // Из коллекции НКРЯ, 2015].

Разъединение клауз происходит в результате реального отсоединения подчиненной клаузы от главной, и этим отличается от расширения, при котором, как описано Митун, говорящие начинают употреблять маркер подчинения в главных клаузах, поскольку обнаруживают семантическое сходство подчиненных структур с определенными типами главных.

Кристофаро обсуждает несколько случаев, когда конструкции, которые принято рассматривать как результат эллипсиса или расширения, более удачно объясняются как результат разъединения. С ее точки зрения, таким способом формируются некоторые расподчиненные конструкции с ‘если’ со значением просьбы. Обычно считается, что они возникают из придаточных типа *I would be grateful if you can prepare my bill*, но, по мнению Кристофаро, могут возникать и из условных конструкций с разъединением типа *I am going to pay now ... if you can prepare my bill*. Это предположение сильно расширяет круг контекстов, которые могут быть источником таких клауз: возможные матричные предложения для синтаксических дополнений ограничены несколькими предикатами (*будет хорошо, буду рада / благодарна* и т. д.), а главные клаузы условных предложений практически бесконечны.

Сходным образом, некоторые случаи, описанные Митун как расширение показателя временного придаточного на независимые клаузы, могут происходить из разъединения. Например, известно, что в английском и в других языках временные придаточные иногда используются для обозначения ситуации, находящейся в ассерции, а не в пресуппозиции. В таких конструкциях можно заменить *when* на *and then* или *когда* на *и тут*:

- (8) *Она раздумывала над странным звонком, когда к ней подошел мужчина в черном.*

Клауза с союзом *когда* релевантна для развития сюжета, именно она послужит источником дальнейших событий. По мнению Кристофаро, такие клаузы имеют шансы обособиться и стать независимыми.

Кристофаро предлагает некоторые соображения относительно того, как понять, какой из трех механизмов привел к расподчинению в конкретном случае. Так, эллипсис вероятен, если главное предложение не слишком информативно, поэтому легко опускается, или если главное предложение частотно, что тоже может приводить к опущению. Что касается разъединения, то этому может послужить более высокая автономность частей сложноподчиненного предложения (пауза, вероятность того, что две части произнесены разными говорящими).

Наконец, Кристофаро обсуждает конструкции, которые обычно не рассматриваются в контексте разговоров про расподчинение: когда независимая клауза является «обломком» сочинительной конструкции, например начинается с сочинительного союза типа англ. *and* или русск. *и*, или просто содержит форму, которая в данном языке используется в первой клаузе сочинительной конструкции. Такие случаи тоже являются результатом разъединения.

Число работ по расподчинению растет. В 2018 году вышла монография о расподчинении в германских языках [D’Hertefelt 2018]; в издательстве “De Gruyter” готовится сборник под названием “Insubordination: New Perspectives”. Между тем на языке каядилт, который вдохновил исследования расподчинения, больше никто не говорит. И этот факт является для нас ценным уроком в международный год языков коренных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка каядилт. *Вопросы языкознания*, 2015, 6: 108–139. [Arkadijev P. M. Grammatical theory in the light of the Kayardild data. *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 6: 108–139.]
- Добрушина 2012 — Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей *бы*. *Русский язык в научном освещении*, 2012, 24(2): 42–64. [Dobrushina N. R. Infinitive constructions with the particle *by*. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, 24(2): 42–64.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Natsional’nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus].] URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Сай 2015 — Сай С. С. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2015, т. XI, ч. 1: 341–367. [Say S. S. Non-finite conditional forms in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2015, vol. XI, part 1: 341–367.]
- Evans 1995 — Evans N. *A grammar of Kayardild*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- D’Hertefelt 2018 — D’Hertefelt S. *Insubordination in Germanic. A typology of complement and conditional constructions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2018.
- Mithun 2008 — Mithun M. The extension of dependency beyond the sentence. *Language*, 2008, 81(1): 69–119. DOI: 10.1353/lan.2008.0054.
- Zevakhina 2016 — Zevakhina N. The hypothesis of insubordination and three types of *wh*-exclamatives. *Studies in Language*, 2016, 40(4): 765–814. URL: <https://publications.hse.ru/view/178752019>.
- Zevakhina 2013 — Zevakhina N. Syntactic strategies of exclamatives. *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ESUKA — JEFUL)*, 2013, 4(2): 157–178.